

83.3(2=411.2-402)

к 73

с-т-у
3.

ПИСАТЕЛЬ
И ЭПОХА

XX ВЕК

БИБЛИОТЕКА
ПИСАТЕЛЕЙ
СТАВРОПОЛЬЯ

**Раиса
КОТОВСКАЯ**

**РОССИЯ
ГРАНИЧИТ С НЕБОМ...**

ОТ АВТОРА

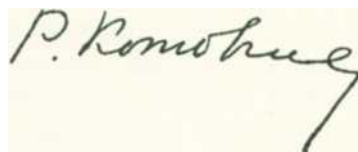
Статьи, собранные в этой книге, публиковались в разное время в периодической печати. Они вызвали немало читательских откликов и потому у меня возникло решение издать их отдельной книжкой.

В середине прошлого столетия Россия окончательно уклонилась от предназначенного ей пути, отреклась от завещанного ей предками символа веры и по этой причине в священной области российской истории стали происходить трагические события.

Происходят они и сегодня, потому что мы продолжаем идти по ложному пути, насаждая через систему школьного образования, через СМИ ложные ценности, основанные на ереси прозападного «гуманизма», не давших миру ничего, кроме гнилых плодов пресловутой масс культуры, демонической по существу и обслуживающей самые низменные страсти...

Эта книга обращена прежде всего к школьным учителям, на которых лежит особая ответственность перед Богом за души учеников: «Братия мои! - писал Апостол Иаков, - немногие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению...»

Понимаю, что я тоже рискую, когда беру на себя ответственность «учить» да еще и учителей. Но, занимаясь педагогической деятельностью, работая по долгу с молодыми литераторами, выступая в школах, я прониклась болью и проблемами наших преподавателей и поняла, что молчать я не вправе...

Наши предки всегда помнили, что Россия граничит не только с Востоком и Западом, но и с Небом. Это граница не только пространственная, но и временная: здесь точка соприкосновения прошлого, настоящего и будущего России. И как бы ни искажалась историческая правда, Истина рано или поздно проступает вновь и вновь. Истина же в том, что история России - это история Святой Руси.

Когда-то слова «русский» и «православный» употреблялись в одном и том же значении. Перестав быть православными, мы перестаем быть и русскими.

«...Национальность человека определяется не по его произволу, а укладом его инстинкта и его творческого акта... и более всего укладом его бессознательной духовности, - писал русский философ И. Ильин, - Покажи мне, как ты веруешь и молишься, как проявляются у тебя доброта, геройство, чувство долга, чести, как ты поешь, пляшешь, читаешь стихи, что ты называешь «знать» и «понимать», как ты любишь свою семью, кто твои любимые вожди, гении и пророки, - скажи мне все это, а я скажу тебе, какой нации ты сын».

На что же учат нас нынче молиться, во что веровать?

В силу доллара, в право сильного.

«Геройство» проявляется в постоянно растущей детской преступности. Понятия «долг» и «честь» осмеяны и забыты.

Подростки в большинстве своем не поют, не читают стихов - слушают пошлое «Русское радио» да смотрят «видики».

Иногда пляшут на дискотеке, оглушенные смертельно опасной дозой децибел, но пляски эти напоминают движения лягушки под электротоком.

Семьи распадаются, не успев сложиться. А что касается любимых вождей, гениев и пророков, - это чаще всего «звезды» чужеземной эстрады.

А как же может быть иначе, если родители сбиваются с ног в борьбе за выживание, а дети предоставлены самим себе, да такому опасному «гувернеру», как телеящик?

Он день и ночь вдалбливает им на международном жаргоне, что дружба - это альянс, любовь - секс, труд - бизнес, а знание - это эрудиция, то есть джентльменский набор расхожей газетной информации, необходимой для разгадывания кроссвордов и участия на приз в передачах типа «Поле чудес».

Но, как сказал писатель В. Распутин, «у них - Поле чудес, а у нас - поле Куликово» ...

И хотя иногда кажется, что исконно дьявольское дело - ложью и клеветой исказить истину - достигло своего апогея, на самом же деле для очень многих из нас все очевиднее давняя и простая истина: вне православной церкви, освещающей и освящающей собою весь воспаленный круг нашей жизни, слова «Россия», «русский» - пустой звук...

Итак, какой же нации мы сыны?

Встречаясь со школьниками, листая их учебники, все больше убеждаюсь в том, что известный постулат об отделении церкви от государства, а, стало быть, - от образования и воспитания наших детей - это по сути своей закон о лишении русского народа его наследных прав не только по отношению к его традиционной вере, но и по отношению к несметным сокровищам собственной отечественной культуры.

Наши культура и литература создавались в лоне православия и вне его они непостижимы.

Евангельские истины - вот тот золотой ключик, которым отмыкается содержание, заключенное в каждой былине, сказке, песне, половице.

Учебники, по которым изучается русская литература в современной школе, по-прежнему стремятся обойти эти истины лукавым молчанием.

Беседуя со школьниками о литературе, я уже не удивляюсь тому, что они полагают, будто бы все русские писатели только тем и занимались, что боролись с самодержавием. И что былинный герой Илья Муромец - всего-навсего «персонаж», вымышленный неграмотным темным народом.

И когда сообщаем им о том, что Преподобный Илья Муромский чудотворец действительно жил, совершал подвиги во благо нашего Отечества, а мощи преподобного вплоть до революции почивали в Киево-Печерской лавре, дети очень удивляются и округляют глаза: им про это никто ничего не рассказывал...

Тогда начинаются вопросы: «А кто такие калики перехожие, которые дали Илье Муромцу силы? Это бомжи?»

- Нет, не бомжи, хотя и о них можно сказать - «без определенного места жительства». В толковом словаре Вл. Даля калика перехожий - это паломник, странник, богатырь во смирении, в убожестве, в богоугодных делах. Калика перехожий - странствующий нищенствующий богатырь. Подвиг странничества — одно из высших состояний духа христианина, поправшего все соблазны мира по слову Господа Иисуса Христа: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мною» (Мф. 19, 21).

Но дети не читали Евангелия и потому никак не могут поверить, что чудесное исцеление Ильи - это не выдумка.

- Митрополит Иоанн (Снычев) писал, что в «сюжете об исцелении Преподобного несомненно присутствует мотив преемственной передачи благодатного дарования «харизмы». Дар получен для служения Святой Руси и народу «святорусскому» для сохранения в стране православной государственности и чистой веры».

В 1910 году С. Есенин написал стихотворение «Калики»:

***Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,
У церкви пред затворами древними
Поклонялись Пречистому Спасу.***

Заканчивается это стихотворение так:

***Вынимали калики поспешливо
Для коров сбереженные крохи.
И кричали пастушки насмешливо
«Девки, в пляску! Идут скоморохи!»***

Как видим, в 1910 году «девки» хотя и насмешливо относились к каликам (с точки зрения христианской этики это очень большой грех!), но еще знали, кто они такие. Теперь сказали бы: идут бомжи...

У мальчишек только и разговоров, как бы заполучить дар богатырства! Каждому из них хочется быть сильным.

- А почему именно Илье Муромцу был дан такой дар, а не кому-нибудь другому?

- Интересный вопрос! Калики переходящие были святыми людьми. Святой и праведный Иоанн Кронштадтский писал: «Святые всегда видят нас по благодати Божией, потому что они в Боге и Бог в них, они един дух с Господом, а Господь все видит и слышит». Бог смотрит не на лицо, а на сердце человека. И святые смотрят так же.

Вот они и разглядели в Илье доброе, а, главное, верующее сердце христианина, который не использует во зло дарование огромной физической силы. Ведь, как гласит народная мудрость, «бодливой корове Бог рог не дает». Странники увидели, как страдает душа парализованного юноши оттого, что он не может встать и исполнить долг странноприимства, который на Руси всегда почитался святым долгом. Наши предки верили, что иногда Сам Христос стучится к нам в виде нищего странника, чтобы испытать нас, насколько мы милосердны. Поэтому поэт Тютчев и утверждал, что:

***«Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил благословляя».***

Дорог сердцу каждого русского человека образ богатыря, стоящего на распутье у камня Латыря:

***Кто поедет по средней дорожке, - тому быть убитому,
Кто поедет направо - тому быть женатому,
Налево ехать - быть богатому.***

«Почему, - спрашиваю, - ребята, Илья Муромец выбирает средний путь? Ведь, по-нашему, быть женатому или богатому куда приятнее, чем убитому».

Ребята не знают, что и сказать. В учебниках про это не написано, они этого не проходили.

Один мальчишка нашелся:

- Старый он был, ему все равно было, куда ехать...

Ответ на поставленный вопрос надо искать в Евангелии, а они эту Книгу всех книг не читали. И потому готовы поверить всякому, кто станет утверждать, как я недавно услышала, что у нашего национального героя «психология самоубийцы».

Преподобный Илья Муромец действует строго в рамках евангельских требований и запретов. Пока он стоит у камня, выбирая правильный путь, ему на память приходят слова, сказанные Господом нашим Иисусом Христом: «Кто станет сберегать душу свою, тот погубит ее, а кто погубит ее, тот оживит ее» (Лк. 17, 33).

Богатырь Илья бесстрашен, потому что Сам Господь сказал: «Не бойся, малое стадо!» и «не бойтесь убивающих тело, и потом не могущих ничего более сделать, но скажу вам, кого бояться: бойтесь того, кто по убиении может ввергнуть в геенну» и тут же добавляет, что ни один волос с головы человека не падет без воли Божией».

Выбирая путь, Илья Муромец не бросается на поиски клада, как это делают герои многих приключенческих романов. Он помнит слова Господа, что «всего этого ищут люди мира сего»: «Наипаче ищите Царствия Божия, и это все приложится вам» (Лк. 12, 21).

Из дальнейшего повествования былины видно, что Илья Муромец сделал совершенно правильный выбор: и врагов победил, и опасности избежал, и выручил из плена «сорок царевичей и сорок королевичей», и остальное «приложилось» ему - клад нашел.

Но как он распорядился найденным золотом?

Так, как и подобает распоряжаться им истинному христианину, который собирает сокровища не для себя, а «Бога богатеет» (Лк. 18, 24). Настроил на них множество прекрасных церквей Божиих с чистым звоном колокольным по всему стольному Киеву...

Образ богатыря, стоящего на распутье трех дорог - это из него выросла вся русская литература. Проблема нравственного выбора определяет и тему, и содержание каждого сколько-нибудь значительного литературного произведения.

Даже русский язык запечатлел в себе неодобрительное отношение народа к тем его представителям, которые не озабочены выбором пути, называя таковых «беспутными», «распутными», «непутевыми» и т. п.

Фольклор — это плод коллективного творчества соборной души русского народа и «по плодам» его можно и должно судить о его душе. Народ-то наш был не «темным», а куда более просвещенным светом Христовым, чем мы, представители нынешних поколений.

...Русские народные сказки знают и любят все. Но многие полагают, что сказки - это красивая выдумка, ложь, сочиненная для развлечения детей. Даже поговорка такая прижилась: «Сказка - ложь, да в ней - намек, добрым молодцам урок».

Такое отношение к сказкам в наш рационалистический век понять можно. Ведь в сказках всегда побеждает добро, а практический опыт свидетельствует об ином. В нашей краткой повседневной жизни мы часто видим, как побеждает зло. Оно активно, напористо, агрессивно. Оно спешит. Жизнь вечная его не интересует. Ему надо успеть «взять от этой жизни все». Словом, «после меня хоть потоп» ...

Но «победа» зла - это только видимость победы, дьявольское наваждение, хитрая ловушка для рационалистического сознания.

И народ это знал. Слагая свои сказки, он ничуть не лгал, он свято верил в конечную победу добра. Вера эта основывалась на прочном фундаменте веры в Промысл Божий. Ведь Сам Господь Иисус Христос сказал: «...мужайтесь, я победил мир» (Ин. 16, 33).

Но чтобы приобщиться к этой великой победе, сказочный герой проходит «тесный путь» испытаний, искушений, скорбей: нужно мужаться.

- Фу-фу! - морщится нечистая сила, почуяв приближение героя, - русским духом пахнет. Если, изучая в школе фольклор, не читать Евангелия, то и впрямь можно подумать, что русские «душно пахнут».

Не о запахе, а о духе идет речь. В послании Апостола Павла читаем:

«Но благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами на всяком месте.

Ибо мы Христово благоухание Богу в спасаемых и погибающих: Для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь» (Кор. 11, 2, 14—16). Как видим, Апостол благодарит Бога за то, что Он выполнил обещание, когда, прощаясь со Своими учениками, сказал им:

«Я умолю Отца, и даст Вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек. Духа истины, которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет» (Ин. 14, 16—17).

«...Дух Святой, Которого пошлет Отец мой во имя мое, научит вас всему и напомнит вам все, что я говорил вам... (Ин. 14, 26).

В этих словах содержится истина, которую мир, то есть все невоцерковленные люди, постичь не в состоянии. Им непонятно, как, каким образом простые рыбаки сделались Апостолами, говорящими на многих языках, а обученные грамоте крестьяне (т. е. христиане) на некогда Святой Руси были просвещеннейшими людьми.

Воспитанные в презрении к своему прошлому, мы утратили знание истинного значения слов «просвещение», «образование», «воспитание» помогут...

Образование (т. е. воссоздание в человеке образа Божьего) происходит по мере воспитания голодной души по мере приобщения человека к святым Таинствам православной церкви в результате чего и происходит с нею чудо просвещения светом Христовым.

Для человека, просвещенного достаточно одного взгляда, чтобы различить добро и зло, свет и тьму там, где другие пребывают в полном неведении, как в духовном, так и в нравственном смысле.

Пытаясь отлучить русский народ от завещанного ему самим Богом православия, государство вновь и вновь претыкается о «краеугольный камень» веры, забывая о грозном предупреждении Господа:

«Всякий, кто упадет на тот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит» (Лк. 20, 18). И никакие «спасатели» из МЧС нам при этом не помогут.

...Иногда нам кажется, что избавиться от надоевших проблем можно с помощью переезда из одного дома или города в другой. Нет, перемещение в пространстве в таких случаях не помогает. Человек - улитка, потому что груз проблем своего «дома» каждый носит в себе.

Иногда нам кажется, что с наступлением нового года, века или тысячелетия мы заживем по-новому. Но перемещение во времени также не поможет нам, если мы не научимся решать свои проблемы на духовном уровне.

Конечно, как утешение для нас звучат ныне строки Тютчевских стихов:

***Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...***

Но - увьи! - не «минуты», а долгие 100 лет «рокового» XX века пролетели над Россией, как дикий смерч, круша «старый мир» вместе с храмами и православными традициями, вырывая с корнем древа старинных дворянских и казачьих родов и мы, омраченные «посетители» этого столетия, до сих пор не уверены в том, что уже покинули его опасные пределы.

Мы стоим на развалинах наших святынь. Повсюду - скверна и мусор, повсюду написаны богохульные ругательства.

Что делать будем, дорогие мои? И дальше разрушать, и осквернять себя и родные пепелища, или потихоньку восстанавливать наши храмы и души, извлекая еще живые уроки из-под завалов прошлого?

«ПО ПЛОДАМ ИХ УЗНАЕТЕ ИХ...»

Мои ровесники помнят, что на экзаменах по марксистско-ленинской философии чаще других попадался билет с заданием «осветить основной вопрос философии»: что первично - дух или материя? Надо было отвечать: «Материя первична». А потом доказывать истинность материализма и несостоятельность идеализма.

В противном случае не аттестовали: мол, не знаешь предмета, иди подучи еще, а потом придешь пересдавать проваленный экзамен.

Но вот началась война (духовная? информационная?). Нас начали разбивать с экранов телевизоров, со страниц газет и журналов... И вот что удивительно: хотя война велась и духовная, но последствия ее были настолько материальными, что их до сих пор можно измерять количеством павших и калек, разрушенных сел, городов, заводов, фабрик, сгоревших самолетов, разбитой и утраченной военной техникой и т. д.

Так что же первично - дух или материя? Судя по всему, Бог научает нас пересмотреть свое отношение к «основному вопросу философии».

***Враг могуч и хитер - по местам! по местам!
И настороже око и ухо.
Бой повсюду пойдет: по лесам, по морям
И в невидимой области духа. -***

писал в XIX веке поэт Аполлон Майков. Пророческие стихи! Оторванные от своей православной веры, мы оказались совершенно безоружны в этой странной войне - войне «в невидимой области духа».

***Не плоть, а дух растлился в наши дни.
И человек отчаянно тоскует.***

***Он к свету рвется из ночной тени,
А свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит
И сознает свою погибель он
И жаждет веры, но о ней не просит.
Не скажет ввек с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед закрытой дверью:
«Впусти меня! Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!»***

Это стихотворение было написано Тютчевым в середине XIX века, но как современно оно звучит сейчас, когда в результате целого ряда подмен символов веры, многие из нас и хотят верить в Бога, Спаса нашего, и уже не могут. Надругательство над самым святым в человеческой душе - над верой - не проходит бесследно: оно умерщвляет душу. Очевидно поэтому святые отцы наши и полагали, что вера — это тот самый рубеж, где надо стоять насмерть.

За то их прозвали «религиозными фанатиками» и попытались предать забвению, но не тут-то было!

Сегодня еще тревожнее звучат слова предупреждения Св. и праведного Иоанна Кронштадтского, сказанные им в 1905 году:

«Россия, если отпадешь от своей веры, как уже отпали от нее многие интеллигенты, то не будешь уже Россией или Русью Святой... Бог отымет благочестивого царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких и самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами». Увы, это пророчество сбылось.

Сбывается пророчество и в отношении «последних времен», один из признаков которых - пышный расцвет фарисейства и лицемерия: «Тогда, хотя имя христианское будет слышаться всюду, и повсюду будут видны храмы и чины церковные, но все это - одна видимость, внутри же - отступление истинное, - писал Святитель Феофан Затворник, - количество христиан хотя и увеличится ради милостивой благодати Христовой при последней всемирной проповеди, но далеко не все они явятся подлинными последовательными Христа, многие из них будут ограничиваться одною наружностью, одними внешними обрядами».

В Ветхом Завете повествуется о том, как Бог вывел из Египта евреев, которые там находились в плену в течение 70 лет, и повел их в землю обетованную. Но евреи поначалу оказались недостойны этого благодеяния, они сожалели, что ушли из Египта, где их кормили мясом, они роптали на Бога за трудности пути и даже поклонились «золотому тельцу».

Бог прогневался на них, и для того, чтобы они вошли в землю обетованную неоскверненными, Он 40 лет водил их в пустыне в ожидании, пока вымрут старшие поколения, еще помнившие сытную жизнь в Египте.

Путь, которым предстоит идти нам, — это путь духовно-нравственного возрождения и преображения. Он очень тернист. Но сколько же лет и нас будет Бог содержать в «пустыне» разрухи, если и мы, Новый Израиль, как и некогда Ветхий, будем роптать и кланяться «золотому тельцу?»

«Не можете служить Богу и мамоне», - сказал Господь наш Иисус Христос. Вслед за кумиром «рая на земле» — поверженным кумиром! - явился другой - доллар.

Точь-в-точь, как и предрекал в своем стихотворении, написанном в 1919 году, поэт Максимиллиан Волошин:

***«А вслед героям и вождям
Крадется хищник стаей жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и предать врагам:
Сгноить ее пшеницы груды,
Ее бесчестить небеса,
Пожрать богатства, сжечь леса
И высосать моря и руды».***

Когда из коммунистической партии выступила группа лиц, поклонилась мамоне и, возложив на алтарь своему кумиру партбилеты, подвергла их сожжению, действие это напоминало какое-то ритуальное языческое жертвоприношение и производило комическое впечатление.

Когда группа этих же лиц устраивала шумные демонстрации посещения православных храмов с прямой трансляцией этого невиданного доньше события по телевидению, когда в окружении своих вооруженных до зубов телохранителей она взбегала на амвоны, как на трибуны, и душила в любовных объятиях иерархов Церкви, некоторые телезрители наивно радовались такой «симфонии» властей. Другие, расслышав в ней фальшивые ноты, перепугались: да неужто теперь церковь будет превращена в нечто вроде третьего отдела при райкоме партии, а священнослужители - в секретарей по идеологии - идеологии «общечеловеческих ценностей?»

И только истинно верующие православные христиане оставались совершенно спокойны, помня слова Господа: «...созижду церковь мою, и врата ада не одолеют ее».

... В Евангелии от Матфея повествуется о том, как Иуда, предавший Христа, раскаялся в содеянном и возвратил тридцать сребреников первосвященникам и старейшинам, говоря: «Согрешил я, предав кровь невинную». «Первосвященники, взяв сребреники, сказали: непозволительно положить их в сокровищницу церковную, потому что это цена крови». Так ли разборчивы в выборе средств на восстановление и возведение храмов нынешние священники, не знаю.

Но знаю, что наше будущее, равно как и будущее правителей и священников напрямую зависит не от выборов в депутаты и президенты, а от личного выбора каждого из нас: кому служить будем - Богу или мамоне?

Русская православная церковь, как я понимаю, готова идти на компромисс с любой властью, выбирая их двух зол меньшее, болеть, каяться, вставать, но идти и идти по пути духовного восхождения ради того, чтобы никто не мог помешать чуду встречи наших душ с Богом.

Грех, тяжкий грех - бросать в нее камни злых слов или грязь подозрений в сотрудничестве с тем или иным режимом.

Потому, что «режимов» было и будет много, а она одна, у нее надмирное предназначение, и в ней - только в ней! - залог спасения от духовного СПИДа. Потому-то и не прекращаются гонения против Русской православной церкви - враг человеческого спасения лучше многих из нас знает, как велика ее миссия.

Все эти годы храмы восстанавливались, однако разрушительная работа не прекращалась ни на миг.

Например - с экранов телевизоров. В течение продолжительного времени ежедневно прокручивался рекламный ролик, на котором запечатлен взрыв Храма Христа Спасителя. Капля камень точит. Постепенно, шаг за шагом, телезрителя приучили к зрелищу разрушения величайшей святыни, оставляя в душах чувство осквернения, ненависти, мести, а потом уже в конце - апатии и равнодушия.

Казахстан, озабоченный душевным здоровьем своих телезрителей, принял закон, запрещающий показ смертных казней. Россия, похоже, уже равнодушно взирала на смертную казнь храма, олицетворявшего для некогда православного народа нечто несравненно большее, чем земная человеческая жизнь.

Сколько инвалидов, морально и физически поврежденных людей оставила после себя санкционированная сверху и хорошо организованная экспансия западных и восточных проповедников!

Рассказывают, что в концлагерях фашисты применяли такой вид казни: измученных голодом кормили досыта, и они от этого умирали в страшных муках. Нечто подобное происходило и с нами. После духовного голода, свирепствовавшего в России на протяжении всего XX столетия, мы бросились «поедать» все без разбора: магию черную и белую, лжеучения Джуньи, Муна, Рерихов, Блаватской, Белого братства, всевозможных христианских, а точнее антихристианских сект и другую духовную чернуху, и бормотуху, которую кто-то остроумно прозвал «Кашпир во время Чумака».

Помню, как в те годы в городах Кавминвод гастролировал заезжий шаман. По мановению его палочки солидные дяди и тети в первом ряду начинали лаять, а во втором - хрюкать. «Вот мы прикалывались!» - делились впечатлениями восторженные дети, а их родителям было и невдомек, какая беда приключилась с ними и с их детьми. Ведь эти лай и хрюканье уже давно хорошо известны и описаны в святоотеческой литературе.

Оценивая последствия духовной войны, предпринятой против России, о. Андрей (Кураев) подвел печальный итог: страна воинствующего атеизма стала страной победившего оккультизма, от неверия обратилась ко всеверию, чреватому массовым безумием, шизофренией.

Сколько обезумевших людей! И страшно видеть, как многие врачи-психиатры используют сегодня в своей лечебной практике элементы оккультизма... «Горе тем, которые зло почитают добром, а добро злом... горькое почитают сладким, а сладкое - горьким», - сказал пророк Исайя. Это сказано о нас, прочно забывших о том, что Господь научил нас различать добро и зло «по плодам»; не может доброе дерево приносить плоды худые, а худое - добрые.

Вот уже 16 лет школьные учителя и родители и смущены, и возмущены тем, что утрачены нравственные ориентиры, что засилье массовой культуры уродует детские души. Хотя в рамках десяти заповедей вполне достаточно свободы для духовного и нравственного становления личности, нет же, в основу нравственного воспитания в школах был взят курс на так называемые «общечеловеческие ценности». Наши педагогическая наука и практика стали руководствоваться одним соображением, столь любезным сердцу служителей культа мамоны: все, что экономически эффективно, то и нравственно.

Сегодня, когда созрели «плоды» этого курса, самое время судить о том, что за «дерево» породило их. При этом нет никакой необходимости приводить статистические данные о разгуле преступности. Терроризм, убийства, грабежи, проституция, пьянство, наркомания - все это и так на виду и на слуху. Выросло поколение, воспитанное на основе так называемых «общечеловеческих ценностей».

Толпы безработного и голодного люда слоняются по вокзалам и базарам и, чтобы выжить, занимаются делом, традиционно презираемым на Руси - спекуляцией...

Пока мы блукаем по задворкам и мусорным свалкам западных и восточных цивилизаций в поисках какой-то новой «концепции» воспитания какого-то «нового» человека, мать наша очи выплакала, дожидаясь нас! Наша тысячелетняя православная церковь и день, и ночь зажигает своею трепетной рукой лампадки и свечи и все молит Бога, чтобы Он обратил нас от пагубы чужебесия, вразумил, просветил светом истины и спас.

Но мы стыдимся матери своей, считая ее недостаточно «образованной», как и писал Иван Бунин еще в 1891 году:

*Они глумятся над тобою,
Они, о родину, корят
Тебя своею простотою,
Убогим видом черных хат...*

*Так сын спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей -
Усталой, робкой и печальной -
Средь городских его друзей.*

*Глядит с улыбкой состраданья
На ту, кто сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.*

Так, «грошик - ко грошику» и накопила наша церковь православная за тысячу лет своего существования богатейший опыт и воспитания, и образования, и просвещения, и лечения. Есть у нее и мощный арсенал духовного оружия, единственно и необходимого для победы в духовной войне. Но все это пока не востребовано нами. А жаль!

«ЖИЗНИ ОСМЫСЛЕННОЙ ЦЕЛЬ БЛАГОРОДНАЯ...»

Однажды со мной произошел забавный случай.

В те дни я работала ответственным секретарем альманаха «Ставрополье», руководила литературным объединением «Современник» при Краевом комитете комсомола. В мои обязанности входило чтение рукописей литераторов, живущих в нашем крае.

Чтение, как известно, - духовная пища и, образно говоря, я должна была ее «дегустировать» и выносить заключение о ее качестве.

Иногда попадались опусы весьма ядовитые, иногда внутри пустые.

И все меня занимали вопросы: в чем вообще смысл писательского труда? С каким аршином следует подходить к рукописям на моем столе? Существуют ли вообще единицы измерения степени таланта того или иного автора? Чем измерить человеческую душу?

Однажды во время работы я услышала дурную весть и, чтобы предотвратить беду, решила позвонить. Я за телефон - он не работает. Я - на улицу, к телефону- автомату - он занят: по телефону говорит женщина. Говорит пять минут, десять, пятнадцать, двадцать...

День зимний, нестерпимо холодный - мороз. И ветер один из тех, что случаются в Ставрополе в начале февраля: валит наповал, срывает отовсюду лед и сечет по чему попало. А женщина все говорит и говорит, весело поглядывая на меня из затишья стеклянной будки. Громко говорит, хочешь - не хочешь, а слушай:

- Танька купила себе платье... Где? ... В универмаге... Да! На втором этаже. Да нет! Налево, как заходишь, поднимаешься по лестнице...Нет же, говорю тебе, то направо, а это налево...Справа - шапки, сумки, а слева - платья...Во-во! И я говорю: зачем? Да еще красное, представляешь? В ее возрасте. Но это еще ничего. А то - бант...Представляешь? Такой бант, черный, бархатный прямо на животе. Да нет, не на груди, а прямо на животе! А на груди - рюшечка...Алло! Алло! Плохо слышно! Говори громче! Что? Рюшечка, говорю! На груди - рюшечка! Щас перезвоню...

Как известно, в мире ничего случайного не бывает, все происходит по воле Божией. Ньютону упало яблоко на голову, и он благодаря этому случаю открыл закон всемирного тяготения. Я ничего не открыла. И беду мне не удалось предотвратить, но там на морозе, в ожидании конца пустейшего разговора до меня вдруг стал доходить сокровенный смысл писательского труда.

Я догадывалась о нем и раньше, но именно здесь всем своим продрогшим существом я осознала, что это такое - грех празднословия.

Женщина в телефонной будке, на мой взгляд, согрешила в этом отношении куда менее тяжко, чем грешим мы, литераторы, журналисты.

Во-первых, не один человек нас слушает - огромная аудитория.

Во-вторых, некоторые книги вредят и после смерти авторов. Рассказывают, что удел нечестивых писателей на том свете страшен. По мере того, как подрастает поколение за поколением и все новые и новые руки тянутся к этим книгам, возрастает вина их автора и соответственно - мера наказания за души соблазненных и развращенных им людей.

Некогда царь египетский велел написать над входом основанной им библиотеки: «Лекарство для души». В наше время издается много книг, которые иначе как ядом для души не назовешь: отмена цензуры, провозглашение «свободы слова» открыли путь для зловонного мутного потока экологически грязной литературы.

Прикасаются ли к этой нечистоте или остаются в лоне православной культуры? Слово «православие» означает «правильно славить Бога».

Поэт Ф. Сологуб писал в начале века:

***«Все хочет петь и славить Бога:
Заря и ландыш, и ковыль,
И лес, и поле, и дорога,
И ветром зыблемая пыль...»***

Хочет, да не может: нет дара речи ни у зари, ни у ландыша, ни у леса, ни у поля...Дар речи есть только у людей. Да вот беда: чем дальше, тем больше стали они его использовать не по назначению.

Народ стал жить сам по себе, а идеология - сама по себе. «И да не будет у нас иное в устах, а иное в сердце, ибо «Бог поругаем не бывает», - предостерегал авва Исайя тех, кто норовит встать на путь лукавства.

Мы немало наслушались речей об ответственности писателя за сказанное слово перед партией и народом. Пресытились ложной «свободой» хорошо организованной анархии и

безответственности. Пришло время говорить об ответственности за сказанное слово перед Богом.

А Он сказал: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься». (Мф. 12:36-37).

Здесь, именно здесь содержится разгадка того повышенного чувства ответственности за сказанное слово, которое отличало творчество писателей всемирно читаемой и почитаемой русской классической литературы от словоблудия газетчиков.

Когда же и как оно началось? Еще в начале XIX века в стихотворении А.С. Пушкина «Пророк» дар поэта представляется как харизма пророка, к которому взывает Божий глас:

***Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполни волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.***

Продолжая эту тему, М.Ю. Лермонтов в своем стихотворении «Пророк» повествует о том, что было с пророком после того, как он «восстал»:

***Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено камня...***

Но вот в начале XIX века в творчестве поэта-декабриста Рыльева появляется новая формула «Я не поэт, а гражданин», что в переводе на поэтический язык того времени означало: «Я не пророк, а гражданин».

Во второй половине XIX века эта формула еще более конкретизировалась в строке, ставшей впоследствии крылатой: «Поэтом можешь и не быть, а гражданином быть обязан».

Так произошла подмена не только слов, но и понятий: отныне не Богу, не Истине, воплощенной в Слове Божиим, должен был служить поэт, писатель, а «обществу», народу, а позднее даже не народу, а одной его части - партии (слово «партия» в переводе и означает часть). В. Маяковский книжки своих стихов назвал «партийными книжками»

А когда в наше «демократическое» время появилось много партий, то у наших литераторов и журналистов и глаза разбежались: какой из них служить? Той, которая больше заплатит? На рубеже XIX - XX века святой праведный Иоанн Кронштадтский писал: «Нынче люди поставили огромного идола и велят всем ему поклоняться. Этот идол есть отрицательная литература, нечистый дух, нас движущий, богопротивный неверующий разум... Писатели наши и сотрудники газет не живут у себя (в душе своей) дома, а обращаются только во внешнем мире, судят, рядят обо всем окружающем, а о том, что делается в их душе, какие в ней болячки и недостатки, какие страсти владеют ими самими, в чем им надо покаяться перед Богом и перед людьми, в чем исправиться - этим они не занимаются и покаяния не признают. Но какая польза человеку, если он «весь мир приобретет, а душе своей повредит?» Или «какой выкуп даст человек за душу свою?»

В XX веке вслед за упадком православной духовности произошла окончательная девальвация слова. Вот как изобразил этот процесс поэт Н. Гумилев в своем стихотворении «Слово»:

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом, разрушали города.*

*И орел не взмахивал крылами.
Жались звезды в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.*

*А для низкой жизни были числа,
Как домашний подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.*

*Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро, и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.*

*Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог.
Что в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово - это Бог.*

*Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы, в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.*

Что же делает наши слова «мертвыми», «дурно пахнущими», а нас - повинными в грехе празднословия? Утрата высшей идеи жизни, одухотворяющей слово.

В своих «Дневниках» Федор Михайлович Достоевский формулирует ее так: «Основная и самая высшая идея человеческого бытия - необходимость и неизбежность убеждения в бессмертии человеческой души. Без веры в свою душу и в ее бессмертие бытие человека неестественно, немислимо и невыносимо. Без высшей идеи не может существовать ни народ, ни нация.

А высшая идея на земле одна - идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные высшие идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из нее одной вытекают». Когда слово «душа» долгие годы находилось под негласным запретом, полезно оглянуться назад, в наше недалекое прошлое.

В 1856 году русский поэт, известный как автор сказки «Конек-горбунок», Петр Павлович Ершов, написал остроумную эпиграмму, адресованную нигилисту-естественнику:

*Ты говоришь, что без изъята,
Мы все - родня, что все мы - братья.*

***Ну что ж? Прекрасные слова!
Но слов одних для дела мало:
Ведь по закону естества
Необходимы для родства
Единый род, одно начало.
Но здесь-то целый океан
Положен вами в разделенье:
Ведь мы - Адама поколение,
А вы - потомки обезьян.***

Возможно, 150 лет назад, когда эта эпиграмма была написана, она могла бы вызвать у читателя улыбку, но сегодня, когда «потомки обезьян» пролили столько крови и так все перепутали, что мы даже глубокой ночью тихим шепотом не смели сказать себе, что мы - русские православные люди, потомки Адама, а не обезьян, законные наследники тысячелетней православной культуры, - тут уже не до смеха...

И все же наши лучшие писатели В. Распутин, Ю. Бондарев, В. Белов, Н. Рубцов и др., с болью продираясь сквозь рогатки цензурных запретов, делали все для того, чтобы поддерживать духовно-нравственное здоровье в нашем обществе, под разными предлогами будить в человеческих душах совесть. Мы им многим обязаны за то, что не угорели, не задохнулись в атмосфере всеобщей бездуховности окончательно.

Шутливое стихотворение «Воробей», написанное Н. Рубцовым в годы хрущевской «оттепели», просто-напросто высмеивает «мудрость», утверждающую, что «бытие определяет сознание человека». Но его современники знают, какого тогда мужества требовали подобные «шутки» и чем за них можно поплатиться.

***Чуть живой. Не чирикает даже.
Замерзает совсем воробей.
Как заметит подводу с поклажей,
Из-под крыши бросается к ней!
И дрожит он над зернышком бедным,
И летит к чердаку своему.
А гляди, не становится вредным
Оттого, что так трудно ему...***

Помимо «отрицательной» литературы, о которой писал святой и праведный Иоанн Кронштадтский, в России создавалась и литература «положительная». И мы должны быть благодарны ее создателям за то, что весь груз духовного безвременья она взяла на свои, ничем не защищенные плечи.

Благодаря ей мы не забыли о том, что жизнь наша имеет цель «благородную», о которой пишет замечательный русский поэт XIX века Ф. И. Тютчев:

***В ХРАМЕ
Сумерки, тени, лампы мерцанье.
Запах горящих свечей,
Лики святые ласкает сиянье
Их быстrokрылых лучей.
Слово молитвы, церковное пение.
Дым в алтаре голубой.***

*В сердце смущенье; в сердце волнение,
Очи покрыты слезой.
В храме я вижу молитву народную,
Крепнет здесь вера моя.
Жизни осмысленной цель благородную
Вновь ощущаю здесь я.*

ВЕЛЕНЬЮ БОЖИЮ, О МУЗА, БУДЬ ПОСЛУШНА...

Не допускать существования Божества - значит быть нелепее народностей, думающих по крайней мере, что мир покоится на носороге».
А.С. Пушкин. «Из записных книжек»

Однажды весной во время Великого поста, в середине Крестопоклонной недели, когда весь православный мир поклоняется величайшей святыне - Честному Животворящему Кресту, случилось мне стать очевидицей кошунственного зрелища.

18 марта в Минераловодской гимназии № 2 происходил приуроченный к празднованию 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина конкурс на лучший реферат, посвященный творчеству поэта.

Когда члены жюри удалились на совещание для подведения итогов конкурса, в перерыве был показан спектакль по произведению Пушкина «Сказка о попе и его работнике Балде». По команде автора и режиссера постановки, бывшего преподавателя литературы этой гимназии, выбежали на сцену юные артисты, учащиеся 3 - 4 классов, наряженные в костюмы бесов.

«Бесы» выглядели довольно натурально: лица, обтянутые черными капроновыми чулками с прорезью для рта, размалеванного красной губной помадой, самодельные рога, хвосты... Костюм «попа» тоже был изготовлен со тщанием: черная ряса, черный головной убор в форме камиллавки, а на нем - белый, несоразмерно большой православный крест. Весьма показательное то обстоятельство, что дети были не в состоянии исполнять предназначенные для них роли, заходились в приступах беспричинного хохота, что называется «бесились».

Тогда сам режиссер и постановщик, учитель Радзиковицкий Ю. М., с лицом, перекошенным от непонятной ярости, высказывал на сцену, одергивал своих воспитанников грубыми окриками, не замечая, что при этом он тоже становится участником зрелища, как бы исполняя роль «дедки» - персонажа одного из рассказов С. Нилуса - опекуна детей, проклятых родителями и тем самым преданных сатане...

Особенно безобразно кривлялся мальчонка, ряженный в костюм «попа»: он так вертел головой, что шапочка все норовила с нее слететь, но - вот что удивительно! - крест, огромный православный крест выглядел, несмотря на все это, величественно и неподвижно. Он словно говорил: «Смотрите! Точно так же ругались надо мною «работники - балды», руководимые Кагановичем и другими вождями, а вы, православные люди, безмолвствовали. Нечего роптать теперь на «трудную жизнь» - с лихвой заслужили» ...

Глядела я-то на красного Юрия Михайловича Радзиковицкого, то на белый этот крест и, зная, чем завершается сюжет пушкинской сказки, еще сомневалась: неужели посмеет?

Посмел!

На глазах у всего собрания малец, игравший роль работника Балды, ударил в этот крест кулачком. «С первого щелка прыгнул поп до потолка. Со второго щелка лишился поп языка», - комментировала все происходящее девчушка, изображавшая старую сказительницу».

И когда в третий раз этот несмышлениш замахнулся на крест со словами «а с третьего щелка вышибло ум у старика», то мне так захотелось найти родителей этих детей и рассказать им, какому опасному осквернению они сегодня подверглись.

На могилках их предков установлены точно такие кресты. Где гарантия, что завтра они не надругаются и над ними?

Каких новых Иванов, не помнящих родства, растит из наших детей этот лжеучитель?

Возвращаясь домой с этого мероприятия, я думала о том, что если бы в актовом зале сидели мусульмане и какой-нибудь иудей или представитель другой конфессии позволил бы себе глумиться над звездой с полумесяцем или над Кораном, как бы они себя повели? Не схватились бы за кинжалы?

Дни празднования 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина почти повсеместно были превращены в кампанию лжи и богохульства, наподобие тех, которые проводились в России в 20-е и 30-е годы.

Почему это стало возможным?

Во-первых, потому, что люди, оскорбляющие наши святыни, прикрываются авторитетом Пушкина (как заложником!).

Во-вторых, потому, что мы сами позволили сотворить из поэта кумира, которого все почитают, но мало кто вдумчиво читает.

Творчество Пушкина трактуется то так, то эдак в зависимости от политической и коммерческой конъюнктуры.

Мне рассказывали, что в учебнике по литературе, по которому учились школьники в 30-е годы, Пушкин был изображен в буденновке с красной звездой и с винтовкой в руках: он целился в попов, царя и буржуев...

«Ученый совет» в гимназии № 2 продемонстрировал то, что школьники изучают не творчество Пушкина, а те статьи, которые публикуют о нем многочисленные пушкиноведы. А жаль. Жизнь и творчество поэта дают богатейший материал для осмысления нынешнего, современного состояния России.

В 1817 году, будучи 18-летним юношей, Пушкин написал оду «Вольность», где есть такие слова:

***Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимайте,
Восстаньте, падшие рабы! ...***

Есть здесь и слова, обращенные к монарху:

***Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.***

В 1917 году, ровно через 100 лет после написания этой оды восстали «падшие рабы», а еще через год совершилась ритуальная казнь: царь и его ни в чем неповинные дети были убиты. Как мог видеть Пушкин смерть царя и его детей «с жестокой радостью» сквозь толщу столетия? Говорят, Пушкин - пророк.

Но ничего пророческого здесь нет. Поэт был посвящен в планы масонства, его «предвидение» основывалось на событиях французской революции...

Ровно через три года после написания оды «Вольность» А. С. Пушкин пишет стихотворение «Боже, царя храни...» Поэт возмужал, одумался. А, может быть, кто-то разъяснил ему, что согласно духовным законам мира, не менее определенным и категоричным, чем физические законы, в соборном «всенародном предстоянии Богу царь находится на особом положении. Помазанник Божий, он свидетельствует собой богоугодность государственной жизни народа, является той точкой, в которой символически соединяются небо и земля, Царствие Божие и человеческое» (Митрополит Иоанн (Снычев).

Поэт прозрел, чем чревато цареубийство - расторжением связи между Землей и Небом. Однако в наших школьных программах значится обязательной к изучению ода «Вольность» и другие ранние стихи поэта из так называемого «вольнолюбивого» цикла, а более поздние его стихи остаются без внимания.

В послании к Юрьеву 1826 года Пушкин писал: «Простительно мне было писать легкие, малонравственные стихи на 19-м году, но не простительно признать их в возрасте более зрелом и степенном».

Конъюнктурный подход к изучению творчества Пушкина в школе может в конце концов привести к тому, что дети скоро станут изучать и декламировать его порнографические стихи, написанные им в ветреной юности для узкого круга друзей. Так сказать, в духе нашего «демократического» времени...

Мировоззрение Пушкина во время его краткой и бурной жизни претерпевало стремительные изменения. Это обстоятельство и дает повод для различных спекуляций вокруг его прославленного имени и для тенденциозного подхода к изучению его творчества.

В книге С. Нилуса «Близ при дверях» читаем, что при вступлении в орден тамплиеров «профан», посвящаемый в масоны, был обязан трижды надругаться над крестом.

Учащиеся минераловодской гимназии № 2 и ее преподавательский коллектив до сих пор не подозревают, что стали свидетелями и участниками «посвящения профанов» в эту отвратительную сатанинскую секту.

Духовное здоровье учеников поставлено под угрозу.

Во дни празднования 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина наблюдались и попытки представить его чуть ли ни святым. Все это напоминало идолопоклонство. Но не был Пушкин ни идолом, ни святым. Он был обыкновенным человеком со всеми недостатками и страстями, присущими всем нам, простым смертным. С тем только отличием, что он был гениален: Бог даровал ему талант - изумительный дар слова, способного проникать во все, порой самые потаенные места человеческих душ.

Подобное дарование напоминает меч обоюдоострый, способный изранить и его носителя, и окружающих людей, если ему не дать правильного направления.

«Дьявол с Богом борются, и поле битвы - сердца людей», - писал Достоевский. Сердце Пушкина в этом отношении не было исключением, разница в том, что здесь эта вечная брань видна каждому - такова участь всех поэтов.

А. С. Пушкин был человеком, крещеным в православную веру, и лучшие его произведения вполне соответствуют цели и назначению христианского писателя, - «быть служителем Слова, способствовать раскрытию в нем заключительной истины в ее бесконечно разнообразных проявлениях в земной жизни христианина и тем вести христианскую душу по пути православия от жизни временной в жизнь вечную во Христе Иисусе Господе нашем» (С. Нилус).

Как известно, род Пушкиных имел глубокие православные корни.

В семье Пушкиных особо почитаем был князь Александр Невский. Пушкин, следуя геральдической традиции, начало своего рода связывал с его именем. Его предки строили и освящали храмы. Многие Пушкины перед смертью принимали постриг, подобно тому, как это сделал почитаемый ими святой Александр Невский.

Знаменательное совпадение: в 1990 году, который назывался годом Александра Невского, состоялись и первые панихиды по Пушкину в церкви, где его отпевали.

В детстве Пушкин не получил религиозного воспитания. Его родители были светскими людьми. Главной заботой отца было блистать в обществе. Мать поэта была под стать отцу. Пушкин не написал о ней ни одного стихотворения. Она была капризна, сурова, вспыльчива и злопамятна: целый год она не разговаривала с сыном Александром в наказание за его какой-то проступок. Мальчик часто прятался от нее в рабочей корзине бабушки.

Впрочем, когда мать тяжело заболела, Пушкин ухаживал за ней до конца, приобрел землю в Святогорском монастыре для ее погребения и завещал похоронить себя рядом с нею.

На мой взгляд, его судьба в судьбе России имеет преобразовательное значение. Кто из нас, вослед за Пушкиным, не был захвачен идеей «свободы, равенства и братства», не подозревая о том, что это за символ, и кто из нас впоследствии не заплатил за это дорогой ценой?

Тем внимательнее мы должны приглядеться к творческому пути А. С. Пушкина: между ним и нашей исторической дорогой есть некая загадочная и знаменательная связь. Многие его произведения сегодня очень актуальны.

Взять хотя бы его замечательную «Сказку о рыбаке и рыбке»! Как напоминает нам старуха у разбитого корыта «вкладчицу», обманутую собственным корыстолюбием!

Судя по всему, в «Сказке о попе и работнике его Балде» поэт также хотел высмеять порок корыстолюбия, но одетого в рясу внешнего лицемерного благочестия. Возможно, он следовал правде жизни.

Но иногда правда жизни, так называемый реализм, может сослужить скверную службу. Это касается жизни духовной.

Ведь Хам тоже сказал о своем отце по плоти правду, но братья сочли нужным прикрыть наготу этой «правды» одеждой и оказались перед Богом правы. А Хам навлек на себя и на

свое потомство хамово проклятие - быть ему и его потомкам рабами у своих братьев и у их потомков.

Что тут добавить? Если так велик грех хамства по отношению к отцу по плоти, то насколько же больше он по отношению к отцу духовному, священнику, облеченному особой благодатью, данной ему свыше? Наверное, больше настолько, насколько бессмертная человеческая душа больше и дороже брэнного тела.

Посему Иоанн Златоуст и завещал: «Всех священников почитай, а прибегай к добрым». Почитай, независимо от индивидуальных особенностей их характеров.

Но, судя по всему, А. С. Пушкин этого обстоятельства не учел, и его «Сказка о попе» стала зловещим пророчеством о судьбе священников-новомучеников XX столетия.

Теперь, когда мы узнали о кровавых расправах над священниками в 20-30-е годы, рассматривать и толковать эту сказку в духе тех лет безнравственно, грешно.

Время, накопленный духовный и социальный опыт во все, вносят свои поправки и только злонамеренность или леность ума и сердца советуют нам делать вид, что ничего не произошло...

Иногда мы делаем это ради мира, единства и согласия, так необходимых сегодня в нашем болящем, расколоте обществе, но, когда согласие достигается за счет попрания истины - это уже не согласие, а соглашательство, то есть сделка с дьяволом.

При изучении творчества А.С. Пушкина в школе нельзя забывать о том, что перед смертью Александр Сергеевич покался и причастился Святых Тайн. Каждый православный человек знает, что это - знак примирения души с Богом, достойный итог жизни, о котором только может мечтать и молить Бога каждый христианин. Поэтому было бы полезным обратить внимание школьников не только на карикатурное изображение попа в вышеупомянутой сказке, но и на пушкинское стихотворение, посвященное митрополиту Филарету (Дроздову). История написания этого стихотворения связана с другим стихотворением поэта, написанного им в минуты тяжелой душевной смуты:

***Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь обречена?***

***Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем напитал?***

***Цели нет передо мною,
Сердце пусто, празден ум
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.***

Митрополит Филарет прочитал эту разрушительную исповедь человека, близкого к самоубийству и, очевидно, счел, что молчать не вправе. Как отклик на пушкинское, он опубликовал свое стихотворение на эту же тему «Не напрасно, не случайно», в котором

увещевает быть благодарными Творцу за дар жизни. Он выполнил тем самым свой долг архипастыря.

Пушкин очень тяготился своим одиночеством. Это видно в стихотворении «Эхо»:

*Ревет ли зверь в лесу глухом
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом -
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.
Ты внимлешь грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских петухов -
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!*

Стихотворный «отзыв» со стороны митрополита Филарета очень обрадовал Пушкина: «Стихи христианина, русского архиерея в ответ на сатирические куплеты! Да это же находка!» - писал поэт в январе 1830 года Е. М. Хитрово.

А самому архиерею, совсем недавно грозно обличавшему как богоотступников так называемых «друзей» Пушкина, декабристов, поэт тут же посвящает искренние и трогательные стихи, исполненные истинно христианского, сыновьего благоговения и любви:

*В часы забав иль праздной скуки
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.*

*Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.
И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.*

*Твоим огнем душа палима,
Отвергла мрак земных сует
И внимлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.*

Но напрасно Пушкин сетует на отсутствие отзывов на стихи поэтов. Вся русская поэзия - это переключка поэтов живых и почивших: «и звезда с звездой говорит» ... Воистину, у Бога все живы.

Многие стихи самого Пушкина представляют собой отзыв на стихи других поэтов (например, стихотворение «Памятник» - отклик на «Памятник» Г. Державина).

«Цели нет передо мною», - пишет в первой половине XIX века Пушкин, а во второй половине этого же века поэт Ф. Тютчев утверждает, что «цель» есть и даже указывает место:

***В храме я вижу молитву народную,
Крепнет здесь вера моя.
Жизни осмысленной цель благородную
Вновь ощущаю здесь я.***

За 100 лет до революции, в 1817 году А. С. Пушкин пишет стихотворение «Безверие», пытаюсь измерить глубину вызываемых им потерь, и призывает к состраданию к человеку, утратившему благодать веры:

***Но тайно вслед за ним немая скука бродит.
Во храм ли Вышнего с толпой народа входит,
Там умножает он тоску души своей.
При пышном торжестве священных алтарей,
При гласе пастыря, при сладком хоре пенье.
Тревожится его безверия мученье,
Он Бога тайного нигде, нигде не зрит,
С померкшею душой святыне предстоит,
Холодный ко всему и чуждый к умиленью,
С досадой тихому внимает он моленью.
«Счастливыцы! - мыслит он, - почто невозможно мне
Страстей, бунтующих в смиренной тишине,
Забыв о разуме и немощном, и строгом,
С единой верою повергнуться пред Богом!
Напрасный сердца крик! Безверие одно,
По жизненной стезе во мраке, вождь унылый,
Несчастливого ведет до хладных врат могилы
И что зовет его в пустыне гробовой, -
Кто ведает? Но там лишь видит он покой.***

В чем же причины безверия? Невозможность забыть о разуме «и немощном, и строгом». Через пять лет Пушкин продолжает развивать эту же тему в стихотворении «Надеждой сладостной младенчески дыша», где он с горечью признается:

***Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает.
Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мне страшно...***

В чем причина безверия? «Ум упорствует».

Святой и праведный о. Иоанн Кронштадтский в своих проповедях говорил о служебной роли разума по отношению к сердцу: «Помни: разум - слуга сердца, которое есть жизнь наша; если он ведет сердце к истине, к миру, к радости, к жизни, он исполняет свое назначение, он истина; если к сомнению, беспокойству, томлению, унынию, мраку, - он уклоняется от своего назначения и непременно лжив («лжеименный разум»).

Если сердце от веры во что-либо чувствует покой, усладу, легкость, - этого и довольно, от рассудка не надо требовать доказательств в истине этого предмета: он несомненно истинен, в том сердце уверяет своей жизнью, ибо цель всех разысканий истина и жизнь».

Рационализм - это чума XVIII века. Распространяясь не только в пространстве, но и во времени, он благополучно достиг и наших дней, принимая все более воинствующий характер, требуя всеобщего поклонения богу науки, требуя даже для веры - «научного» обоснования.

А. С. Пушкин стоял у истоков этого явления и тоже отдал дань этому суеверию, рожденному в потемках масонских лож:

***Содвинем бокалы! Подыдем их разом!
Да здравствуют музы! Да здравствует разум!
(«Вакхическая песня»)***

Горделивое обожествление человеческого разума, противопоставление человека Богу и оккультизм - эти явления, представляющие собой краеугольный камень антихристианской масонской идеологии, вызвали к литературной жизни демонов пороков и страстей, скепсиса, ненависти, разрушения, упадка...

А. С. Пушкин, как истинный художник, чутко улавливал все новые влияния в духовной жизни своего времени и запечатлевал их в своем творчестве:

***В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия -
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья, -
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновение искусства
Так сильно волновали кровь, -
Часы надежд и наслаждений,
Тоской внезапной осень,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистоимой клеветой
Он Провиденье искушал,
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал,***

***Не верил он любви, свободе.
На жизнь насмешливо глядел
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.
(«Демон»).***

Что это, если не исповедь?

Современник А. С. Пушкина, один из самых духоносных людей, живших когда-либо на земле, Преподобный Серафим Саровский чудотворец, словно отвечая на слова этой безадресной исповеди, пишет в одном из своих наставлений:

«По учению Св. Отцов Церкви, при каждом человеке находится два ангела: один добрый, другой злой.

Ангел добрый тих, кроток и безмолвен. Когда он войдет в сердце человека, то говорит с ним о правде, чистоте, честности, спокойствии, о всяком благом деле и о всякой добродетели...

А дух лукавый острожелчен, жесток, безумен. Когда он войдет в сердце твое, то узнавай это по делам его».

Следуя этому наставлению, можно не только познавать движения своей собственной души, но и видеть состояние душ людей, нас окружающих.

Сердце А. С. Пушкина перед нами, читатель. Но чтобы лучше его понять, нужно знать характер пушкинской эпохи. Бесплезно рассматривать его творчество вне контекста всей русской культуры.

Для России, для русской культуры основополагающей ценностью во всех ее многообразных проявлениях стали евангельские нравственные идеалы: милосердие и сострадание.

Именно они вдохновляли гениальную кисть Андрея Рублева и перо безвестного автора «Слово о полку Игореве», наполняли благодатной силой народные песни и суровые распевы русских монастырей, определяли архитектурную гармонию церквей и златоглавых соборов.

В строгих иноческих обителях и скитах, в царских покоях и крестьянских избах, в постах и молитвах, в битвах и трудах творилась неповторимая русская культура, вся проникнутая светом благочестия и осмысленного, озаренного великой целью, бытия.

Такой возвышенный свет и строй русской культуры оказался недоступен, непонятен для суетной и кичливой Европы; уже с XVI столетия на Западе укоренился миф о «русской отсталости».

Допустимо все, что выгодно - вот главный «нравственный» принцип западной культуры. Если вера в Бога выгодна, то Он существует, если - нет, то нет и Бога.

«Идеи западничества уже давно стали проникать в Россию. Основной из них является идея «прогресса» в том виде, как она была сформулирована западноевропейской мыслью XVIII века.

Человечество развивается (от низшего к высшему, от простого к сложному) по единым для всех народов законам, они неизбежно проходят одни и те же ступени развития, - утверждают «прогрессисты». На вершине этой лестницы находится Западная Европа.

Россия значительно отстала в своем развитии (показательно, что одной из причин этого отставания было тут же объявлено православие - консервативно, мол, несовременно) и единственная возможность «исправить» положение - срочно европеизировать всю русскую жизнь», - так писал о западничестве Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев). И восклицал: «Воистину смешно и одновременно печально наблюдать, сколь не разнообразны приверженцы подобных идей. Вот уже два столетия прошло, а песня все та же - о «передовом» Западе и «отсталой» России. Господи, и когда-то мы одумаемся!».

XIX век стал веком жесточайшего кризиса религиозного сознания и разрушения соборного единства русского общества, когда под влиянием чужих мировоззренческих стереотипов духовное единство россиян распалось и в стране образовалось как бы две одновременно действующие культурные традиции: новомодная прозападная - «господская» и «простонародная» исконно русская.

«Порвалась связь времен» и сердце А.С. Пушкина вместило в себя всю трагедию этого разрыва, а его творчество отразило обе культурные традиции. Особенно наглядно прослеживается их соседство и противостояние в его лирике. С одной стороны, глубоко народные, - «простонародные» - стихи «Зимний вечер», «Песни о Стеньке Разине», «Няне», «Зимняя дорога», «Утопленник», «Ворон к ворону летит», «Боже, царя храни», «Отцы пустынноики и жены непорочны», а с другой стороны - острожелчный пафос ранней «вольнолюбивой» лирики, эпиграммы...

Две действующие традиции существуют в русской культуре и литературе и по сей день. Их представители находят в многообразном литературном наследии А. С. Пушкина материалы, близкие им по духу и без конца спорят о том, какой из этих двух традиций принадлежит его творчество. Обеим!

В борьбе западничества и славянофильства во второй половине XIX века победило западничество. Культура была монополизирована так называемой «интеллигенцией», эгоистичной, оторванной от народа, агрессивной группой людей, в большинстве своем денационализированной и антипатриотичной.

Сегодня мы пожинаем горькие плоды этой сомнительной победы, обернувшейся поражением. Поэтому не мешало бы пристальнее взглянуться в духовную жизнь как «золотого» века, так и «серебряного».

«Интеллигентский» период в развитии русской культуры (вторая половина XIX века) не зря получил название «декаданс», от латинского слова «упадок». Его характерными чертами стали эгоцентризм, воспевание и эстетизация пороков, страстей, падения, небытия...

Св. Иоанн Кронштадтский с горечью констатировал: «Характер людей XIX века второй половины - самообожание, самозаконие (автономия), материализм в жизни и духовный скептицизм (безверие)».

«Нынче люди поставили огромного идола и велют всем поклоняться ему. Этот идол есть отрицательная литература, нечистый дух нас движущий, богопротивный, неверующий разум...» С тех пор мало что изменилось, только в середине XX века идола «отрицательной» литературы сменил идол «отрицательного» телевидения.

Русская трагедия нынешнего века стала результатом и закономерным следствием процессов века, минувшего - утраты нравственно-религиозной осмысленности бытия. К 30 годам в мировоззрении Пушкина наметился важный перелом.

Он пришел к пониманию того, что красота - не самоцель, а только форма добра и истины.

Если бы Пушкин жил в середине века, пишет по этому поводу философ и поэт В. Соловьев, - то, достигнув этого понимания, он мог бы пойти в монастырь, чтобы связать свое художественное призвание с прямым культом того, что абсолютно достойно.

Ему легко было бы удалиться от мира, в исправление и в перерождение, которого он, как мы знаем, не верил. В тех условиях, в которых находился русский поэт XIX века, ему удобнее и безопаснее было избрать другой род аскетизма: он женился и стал отцом семейства.

С этим благополучно прошел для него период необузданных чувственных увлечений, его материальная жизнь вошла в русло, но ... «познал он глас иных желаний, познал он новую печаль».

Стихи, написанные поэтом в последнее десятилетие его земной жизни, свидетельствуют о напряженных духовных поисках Истины:

***Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлететь во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Все чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
«Владыко дней моих! Дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.***

Кто знает, может, этими стихами-молитвой Пушкин и оправдался перед Богом за ошибки своей юности. В этом стихотворении он ясно обозначил для себя те духовно-нравственные ориентиры, к которым и устремилась бы его жизнь и творчество, если бы остался жив.

...Как свидетельствует Евангелие, мирская слава предана сатане, и он за уступки ему иногда позволяет некоторым людям ею пользоваться. Пушкин в отличие от нас знал об этом сызмала. В стихотворении «Желание славы», написанным им в 26-летнем возрасте, он как бы оправдывается за это желание:

***Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтобы мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Все, все вокруг тебя звучало обо мне...***

Очевидно, этим же желанием славы, предосудительным с точки зрения христианской морали, было продиктовано и желание Пушкина оказаться и в ряду «героев» - декабристов. Он иронизирует и над ними, и над собой, когда в стихах, посвященных княгине Ушаковой, с шуточной наивностью вопрошает:

***Вы ж вздохнете обо мне,
Если буду я повешен?***

Биография А.С. Пушкина красноречиво подтверждает тот факт, что сатана даром славы не дает – требует, взамен душу. Судя по всему, торг не состоялся, потому что вместо славы, заслуженной им каторжным писательским трудом, на А.С. Пушкина обрушились злоба, ложь, клевета. Правда, он сам дал для этого повод своими «острожелчными» эпиграммами, задевающими честь влиятельных людей и нарушая тем самым один из непререкаемых законов духовной жизни, выраженный в словах «Не судите, да не судимы будете» (МФ. 7:1)

Желать славы для себя лично и бесчестить других, используя Божий дар - дар слова - как оружие? Небезопасно.

Высший свет сговорился дразнить, дергать поэта, выводить его из себя только для того, чтобы сделать его пребывание в петербургском обществе невыносимым. Понятно: кому из этих господ, дороживших своей фамильной честью, хотелось стать предметом пушкинской сатиры, способной опозорить весь род и не в одном поколении? Позже М. Ю. Лермонтов с юношеским максимализмом обличал «высший свет» за то, что он не проявил должного смирения в ответ на пушкинские эпиграммы:

***Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?»
(«На смерть поэта»)***

«За каждое праздное слово, которое скажут люди, дадут они ответ в день суда, ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься». (Мф.12:36-37). Это - евангельская истина, и судьба А.С. Пушкина - одна из иллюстраций к ней.

Поэту казалось, что он в силах следовать правилу «хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца», когда он узнал истинную цену людской «молве» и стал ее жертвой.

***Когда твои молодые лета
Позорит шумная молва,
И ты по приговору света
На честь утратила права;***

***Один среди толпы холодной
Твои страданья я делю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумир бесчувственный молю...***

Убедившись окончательно в бесчувственности этого «кумира» и в бесплодности «мольбы», Пушкин удалился в башню своего одиночества, чтобы служить другому кумиру - музам, утверждаясь на другом ложном пути - пути самозакония:

***Поэт, не дорожи любовью народной,
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.
Ты - царь: живи один. Дорогою свободной***

***Иди куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.
Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд...***

Когда в детские годы детям не достает витамина родительской ласки, они теряют иммунитет от болезненной зависимости от лести, человеческой похвалы, мирской славы - таких губительных для души человеческой!

Иногда тщеславие рядится в романтическую тогу борьбы с общественным злом. Но Пушкин в своем стихотворении «Поэт и толпа» заявил, что ему нет дела до общественной пользы и что борьба с публичным злом есть дело полиции. Он обжился в башне своего одиночества, свыкся с мыслью о «царском» достоинстве поэта, но женитьба и необходимость содержать семью вынудили его покинуть свое убежище и выйти в свет.

Но здесь его ожидало другое, более тонкое искушение.

«Хвалу и клевету» в свой адрес Александр Сергеевич Пушкин научился принимать «равнодушно», но в адрес своей любимой молодой жены, матери его детей...

Он был очень небогат и уже, в сравнении с нею, немолод. Что мог он дать ей кроме своей, честным трудом заработанной славы великого русского поэта? «Я памятник воздвиг себе нерукотворный...» Вместо «памятника» мирской славы - бесчестье?

На честь семьи покушается смазливый молодой Дантес, чем-то похожий на лирического героя очень лукавого стихотворения «Десятая заповедь», некогда написанным самим Пушкиным. Неужели и это - расплата за некогда неосторожно сказанное слово?

Такое искушение мог стойко претерпеть только воцерковленный, глубоко верующий человек.

В святоотеческих писаниях есть такой рассказ.

К знаменитому подвижнику пришел начинающий монах, прося указать ему путь совершенства. «Этой ночью», - сказал старец, - ступай на кладбище и до утра восхваляй погребенных там покойников». На другой день монах возвращается с кладбища: «Исполнил я твое приказание, отче! Всю ночь я восхвалял громким голосом покойников». «Ну и что же? Как выразили они тебе свое удовольствие?» «Никак, отче, все время хранили молчание». «Это весьма удивительно», - сказал старец, - но вот что ты сделай: этой ночью ступай туда опять и ругай их до утра».

На следующий день монах опять возвращается с отчетом: «Всячески я поносил их, но они все время безмолвствовали». «Вот видишь», - сказал старец, - ты поднялся на первую ступень ангельского жития, которое есть послушание. Вершины же этого жития на земле достигнешь тогда, когда будешь так же равнодушен к похвалам и хулам, как эти покойники».

Итак, невозможно равнодушно принимать хвалу и клевету, не пройдя первой ступени - послушания духовному отцу. На лестнице духовного восхождения невозможно достичь высшей ступени - полного умерщвления самолюбия и самомнения - минуя первую ступень - послушание. Это походило бы на то, как если бы кто начал возводить дом не с фундамента, а с крыши. Как гласит Евангелие: «...Слушающий и не исполняющий подобен человеку, построившему дом на земле без основания, который, когда наперла на него вода, тотчас обрушился; и разрушение дома сего было великое» (Лк. 6:49).

Христианское незлобие и смирение могли бы отвратить Пушкина от дуэли, но он отдался страсти мщения: «Не вынесла, душа поэта позора мелочных обид...»

Бог требует от нас дело возмездия предоставлять Ему. Непослушанием этому требованию мы лишаемся Его защиты.

После первой несостоявшейся дуэли с Геккерном император Николай Павлович взял с Пушкина слово, что в случае нового столкновения он предупредит государя. Пушкин слово дал, но не сдержал его. Непослушание Богу, царю и Церкви, запрещающей дуэли, - вот те ступени, по которым поэт уходил все дальше от истины и из жизни.

«Во время дуэли раненный противником очень опасно, но не смертельно, - пишет Вл. Соловьев, - Пушкин еще был господином своей участи.

Во всяком случае мнимая честь была бы удовлетворена опасной раной. Продолжение дуэли было делом злой страсти. Когда секунданты подошли к раненому, он поднялся с гневными словами: «Подождите, у меня хватит сил на выстрел».

Недрогнувшей рукой выстрелил он в своего противника и слегка ранил его. Это крайнее душевное напряжение, этот отчаянный порыв страсти окончательно сломил силы Пушкина и действительно решил его земную участь. Пушкин убит не пулей Геккерна, а своим собственным выстрелом в Геккерна», - заключает Вл. Соловьев.

Почему Пушкин промахнулся? Его современники пишут, что он был на редкость метким стрелком. Ответ один: была на то воля Божия.

Раненный в живот, Пушкин умирал в течение трех дней. Умирал в ясном сознании. Перед смертью в нем происходило духовное возрождение. Это было замечено всеми близкими людьми.

«Особенно замечательно то, - пишет В. Жуковский, - что в эти последние часы жизни он как будто сделался иной: буря, которая за несколько часов волновала его душу неодолимою страстью, исчезла, не оставив в ней следа, ни слова, ни воспоминания о случившемся.

Но это не было потерей памяти, а внутренним повышением и очищением нравственного сознания, и его действительным освобождением от плена страсти».

Когда его товарищ и секундант Данзас, - рассказывает князь Вяземский, - желая выведать, в каких чувствах к Геккерну он умирает, спросил его: не поручит ли он ему чего-нибудь в случае смерти касательно Геккерна.

«Требую, - отвечал он, - чтобы ты не мстил за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христианином».

Описывая первые минуты после смерти, Жуковский пишет: «Когда все ушли, я сел перед ним и долго смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видел ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти... Что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо. Это не было ни сон, ни покой; не было выражение ума, столь свойственное этому лицу; не было также и выражение поэтическое. Нет!

Какая-то важная удивительная мысль разливалась на нем, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубоко удовлетворяющее знание. Всматриваясь в него, мне все хотелось у него спросить: «что видишь, друг?»

И что бы он отвечал, если бы мог на минуту воскреснуть?»

* * *

«Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем»

(Ф.М. Достоевский «Дневник писателя» 1880 г.)

В школьных учебниках запечатлелись следы наших вековых вольных и невольных заблуждений в исследовании творческого пути Пушкина. Его живое творческое наследие расчленили на периоды, связанные с местопребыванием поэта: «кавказский», «михайловский», «болдинский» ... Как будто внутренняя жизнь души великого человека связана с географией его местонахождения.

«Я делю деятельность нашего великого поэта на три периода», - писал Ф. М. Достоевский в своих «Дневниках», замечая, что «эти периоды не имеют таких твердых границ». Причем в каждом последующем периоде развивалось то, что было заложено в предыдущем».

Но чтобы различить эти периоды, надо прежде всего различать в творчестве Пушкина вечное, непреходящее и временное, навеянное «духом времени», текущей злобой дня.

В 1836 году А. С. Пушкин пишет стихотворение «Мирская власть».

**Когда великое свершалось торжество
И в муках на Кресте кончалось Божество,
Тогда по сторонам Животворяща Древа
Мария — грешница и Пресвятая Дева
Стояли две Жены
В неизмеримую печаль погружены.
Но у подножия теперь Креста Честного,
Как будто у крыльца правителя градского,
Мы зрим поставленных на место Жен святых
В ружье и кивере двух грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража?
Или-Распятие казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей?
Иль мните важности придать Царю царей?..»**

Что в этих стихах временное, что вечное?

Митрополит Иоанн (Снычев) писал, что бюрократический консерватизм XVIII-XIX вв. в своем стремлении подчинить государственному аппарату все проявления человеческого духа, вступая в явное противоречие с православным мировоззрением, тоже повинен в катастрофе XX века: «Утратив чуткость к благодатному духу Церкви, рассматривая ее лишь как один из государственных инструментов, этакий «департамент по улучшению нравов народа», бюрократия стремилась поставить под контроль светской власти все стороны церковной деятельности, да и само духовенство».

А.С. Пушкин запечатлел это явление в своих шуточных стихах. Но не наблюдаем ли мы и сегодня попытку государства превратить Церковь в один из инструментов этой «мирской власти»? Так в стихах Пушкина переплетается временное и вечное... Кто-то остроумно

сказал, что дьявол - обезьяна Бога. Не обладая способностью к творчеству, он только силится подражать Богу, искажая Его Замыслы. Свобода возможна только во Господе, братство - только во Господе, равенство - тоже. На Страшном Суде «не предпочтется князь воина», перед Богом мы все равны. В начале жизни Пушкин увлекся ложно понятой идеей «свободы, равенства и братства», но в конце осознал свое заблуждение и оставил далеко позади себя и одержимых этой идеей «падших» декабристов, хотя и «милость к падшим призывал», и народившихся уже после него бесчинствующих разночинцев, и революционных демократов...

В 1830 году в повести «Станционный смотритель» он легко дистанцировался от «великой лжи демократии» в свойственной ему иронической форме: «Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие смотрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина. Столь же долго не мог я привыкнуть и к тому, чтобы разборчивый холоп обносил меня блюдом на губернаторском обеде. Ныне и то, и другое кажется мне в порядке вещей. В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: чин чина почитай ввелось в употребление другое, например, ум ума почитай? Какие возникли бы споры! И слуги с кого бы начали кушанье подавать?..» Эти слова могли бы стать краткой рецензией на комедию Грибоедова «Горе от ума».

Поздний Пушкин в открытую смеется над «ветреным» дворянством, одержимым «духом века» - идеей демократии в ущерб себе и России:

***Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух.
Что их поносит и фиглярин,
Что русский ветреный боярин
Считает грамоты царей
За пыльный сбор календарей,
Что в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава.
Что геральдического льва
Демократическим копытом
Теперь лягает и осел:
Дух века вот куда зашел!***

На Небе существует строгая иерархия, в Церкви - тоже. Попытка разрушить чинопочитание в обществе привела лишь к подмене одной иерархии другой иерархией. Ценой ужасающих жертв...

На сегодня остатки иерархии сохранились только в армии (не потому ли ее разрушают?). Если сержант перестанет слушаться лейтенанта, лейтенант - полковника, а все вместе - генерала, то такая «демократия» приведет к анархии и разгрому армии какой-нибудь группой бандитов.

Для Пушкина были совершенно очевидными истины, к которым пришли впоследствии все мы, повторив извивы его жизненного пути.

Свою речь, произнесенную 8 июня 1880 года на заседании Общества любителей российской словесности, Ф. М. Достоевский начал следующими словами: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа», - сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного

самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом смысле Пушкин есть пророчество и указание».

С тех пор, когда прозвучали эти слова, многие пророчества не только Пушкина, но и самого Достоевского уже сбылись, а некоторым из них еще предстоит сбыться.

И, обращаясь к творчеству А. С. Пушкина, очень полезно подумать о том, что сказал бы он, если бы вдруг, по слову Жуковского, смог сегодня «хотя бы на минутку воскреснуть»?

Раиса КОТОВСКАЯ
РОССИЯ ГРАНИЧИТ С НЕБОМ...
Ставрополь
2001

*Не унывай, моя отрада!
И впрямь дорога тяжела...
Повсюду внутреннего лада
Искала я и не нашла.*

*Нашла в соборе я потерю
Среди намоленных икон,
Того, что каждому по вере
Давалось даром испокон.*

*И это свыше подаянье
Вдыхалось в душу не одну
На расстоянье покаянья,
На широту и глубину.*